

Теория этноса С.М Широкогорова и ее критика

Анатолий Михайлович КУЗНЕЦОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kuznetsov.2012@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается основное содержание концепции этноса С.М. Широкогорова, представленной в его работе 1923 года "Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений". Эта концепция обосновывает возникновение этноса как результат приспособления группы людей к трем основным видам среды: природной, культурной и создаваемой другими этносами. Важное значение в концепции отведено также принципу равновесия, которому должны соответствовать компоненты этноса. Такое равновесие обеспечивается взаимосвязанностью основных компонентов этноса. Фактически основные идеи теории Широкогорова представляют системное осмысление феномена этноса. В то время как критики его концепции сводят ее содержание к тезису о биологических основаниях этноса и истории внедрения термина этнос в этнографическую науку. Поэтому это теоретическое обоснование этноса оказалось не утратившим своего значения до настоящего времени.

Ключевые слова: С.М. Широкогоров, теория, этнос, система, приспособление, равновесие, связь, концепт

Для цитирования: Кузнецов А.М. Теория этноса С.М Широкогорова и ее критика // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 14–25. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/14-25>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/14-25>

Sergei Shirokogoroff's theory of ethnos and criticism of it

Anatoly M. KUZNETSOV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kuznetsov.2012@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of the main content of the theory of ethnos presented by S.M. Shirokogoroff in his 1923 work "Ethnos: the study of basic principles of ethnic and ethnographic phenomena". This theory is based on the idea of the emergence of ethnos as a result of adaptation to the three main types of environments: natural, cultural and created by other ethnic groups. Important meaning of this idea is the equilibrium principle, which should correspond to the components of the ethnos. In fact, Shirokogoroff's main ideas about ethnos represent a systemic understanding of the phenomenon of ethnos. Critics of his concepts reduce its content to a thesis on the biological foundations of ethnos and history introducing the term ethnos into ethnological science. Therefore, in fact, it is the theoretical justification of the ethnos did not lose its significance until the present.

Keywords: Sergei Shirokogoroff, theory, ethnos, system, adaptation, equilibrium, connection, concept

For citation: Kuznetsov A.M. Sergei Shirokogoroff's theory of ethnos and criticism of it // Oriental Institute Journal. 2023. № 1. P. 14–25. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/14-25>

*... если у человека "мозги сдвинуты"
на методологический анализ, то он им и
занимается; т.е. методологией занимается тот,
у кого "методологический сдвиг" мышления,
а не тот, у кого "больше прав".*

М.С. Гусельцова

*"Не существует чего-то такого, что можно назвать человеком.
В своей жизни я встречал французов, итальянцев, русских
и так далее... но что касается человека, то я заявляю, что я его
до сих пор не встречал. Если он и есть, то я об этом не знаю".*

Жозеф де Местр

Беда, коль пироги начнет печи сапожник...

Н.А. Крылов

О чем реально "Этнос..." С.М. Широкогорова. В случае с датой 100-летия со времени публикации работы С.М. Широкогорова "Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений" (1923 г.) мы имеем непростую ситуацию [16]. Дело в том, что, несмотря на определенный период умолчания и забвения, эта небольшая монография снова стала упоминаться в 1970-х, а затем ее начали активно обсуждать в 1990-х гг. С началом 2000-х г. "Этнос..." достаточно регулярно переиздавался в нашей стране (2002, 2010 дважды, 2012 и 2022 гг.). Тем не менее теория С.М. Широкогорова, дошедшая до нас в наиболее полном виде по изданию 1923 г., незаслуженно все еще остается малоизвестной даже специалистам. Да, у нее есть свои сторонники, но появились и непримиримые противники. При этом полемика идет не столько по поводу *содержания* самой монографии С.М. Широкогорова, сколько вокруг разных обстоятельств ее *появления*. Дело в том, что, например, сделать этнос главным объектом этнографии предлагал еще Н.М. Могилянский. Но его вклад больше известен по определению этнос – это "... *собрание индивидуумов*, объединенных в одно *целое* как общими чертами физических (антропологических) признаков, так и общностью исторических судеб, наконец, общностью языка, этой основы, из которой, в свою очередь, вырастает общность всего мировоззрения, народной психологии, – словом всей духовной культуры" [8, с. 11]. Впоследствии, после короткого периода признания, этнос и связанная с ним этнология в конце 1920-х гг. вообще были объявлены в СССР буржуазными явлениями, которым нет места в социалистическом обществе. Сам же С.М. Широкогоров с конца октября 1922 г. оказался в вынужденной эмиграции в Китае. Но еще в ходе Великой отечественной войны идея этноса постепенно была восстановлена в правах и стала активно продвигаться в 1960-1970-х гг. Такое неожиданное возвращение становится понятным, учитывая полиэтничный состав населения России. Очевидно, что признание этноса отвечало решению насущной проблемы не только нашей страны, но и других – с этнически неоднородным составом населения – сохранению их целостности и единства.

Если обобщить основные результаты обсуждения проблемы этноса в российской/советской научной традиции, то можно выделить следующие базовые положения. Во-первых, этносу придавалось *общечеловеческое* значение, как *интегратору* всех видов обществ (С.А. Токарев, Н.Н. Чебоксаров). Во-вторых, он рассматривался как сложившаяся исторически или под влиянием природных факторов *отдельная общность людей* (Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев). В-третьих, его трактовали как совокупность *специфических отличий* этнических общностей (С.П. Толстов, П.И. Кушнер). Показательно, что во всех этих вариантах фиксируется именно *коллективная природа* этноса, а понятие *этногенез* вносило *процессуальный* аспект в его восприятие. Наконец, для отечественной традиции характерно признание значимости *сознания* и *психики*, пускай и в варианте *пассионарности*, для понимания данного феномена (Г.Г. Шпет, Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев). Для того, чтобы определить, какое отношение к нашей традиции имеют идеи С.М. Широкогорова, необходимо сначала с ними познакомиться.

Следует признать, что одной из причин сложившей ситуации с признанием его теории, являются особенности рассматриваемой публикации, так как первичное прочтение "Этноса..." создает противоречивое впечатление. Не случайно, сам С.М. Широкогоров предупреждал: "Не является для меня секретом и то, что чтение моего исследования представляет значительные *затруднения*... вследствие необходимости для критика отказаться оценивать предложенную *систему* (курсив мой – А.К.), смотря с *одной* какой-нибудь точки зрения, – *гуманитарных* или *естественных наук*..." [17, с. 5]. И ведь "как в воду глядел", судя по весьма противоречивым оценкам, появившимся по поводу этой работы. Совместить и понять разные отклики в отношении "Этноса..." и содержащиеся в нем планы можно, учитывая, что особый исследовательский аппарат и предлагаемые идеи были нужны Широкогорову для того, чтобы ни много, ни мало объяснить причины реального *этнического многообразия человечества*. Показательно, что в отличие от западных "коллег" он, как и некоторые другие российские ученые, утверждал: "... *цивилизованные*

нации европейского цикла, наряду со всеми остальными этносами, должны будут также войти, как материал и объект изучения в общую этнографию" [17, с. 18]. Поэтому ему и надо было сначала понять эту базовую общность ("единицу") – этнос/этническую общность, совокупность которых образует такое многообразие. Широкогородов новаторски рассматривает поставленную проблему, абстрагируясь от конкретных характеристик различных общностей, но опираясь на более серьезные основания, которые и должна была обосновать его теория этноса. Подобный уровень и масштабность поставленной проблемы выдвинули перед самим С.М. Широкогородовым серьезные и очень нестандартные исследовательские задачи, которые необходимо было ему решать, используя оригинальные методы и подходы.

В литературе обсуждение данного текста обычно ограничивается следующим определением: "... этнос – есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп. Это и есть этническая единица, – объект науки этнографии" [17, с. 9]. Но при этом не принимается во внимание, что отличие вклада нашего автора от многих его "предшественников" заключается не во "вбросе" какой-то одной идеи, термина, а в глубоком обосновании самого феномена этноса и этой новой отрасли науки, изучающей его – этнологии.

Конечно, как человек своего времени, С.М. Широкогородов не только опирался на скромный задел своих коллег, но и усвоил некоторые существовавшие на тот момент общенаучные установки. Например, он использовал иногда в своих рассуждениях термины биология, биологическое, но хорошо понимал: "По сравнению с другими видами животных человечество существует и приспосабливается в борьбе за существование, главным образом, при помощи своих особенно развитых умственных способностей и с биологической точки зрения его ум есть то же самое, что для тигра его мускулатура, зубы и когти" [17, с. 20]. Поэтому, в каком значении в данной работе применялись такие определения, отразившие переход к биологизированной общенаучной картине мира, необходимо было еще уточнить, а не выдвигать сразу обвинение в "биологизаторстве проблемы этноса". Не менее показателен для настроений эпохи и другой тезис С.М. Широкогорова: "... этнология есть наука об этносе, как форме, в которой развилось и живет человечество, т.е. этнология, как и биология, открывает законы жизни человека как вида..." [17, с. 20]. А познавать эти законы автор предлагал через установление связи "... между различными проявлениями и отношениями человека и таким образом, ["Этнос..."] является исследованием этнологическим преимущественно, причем рассматриваются все процессы, как происходящие в единицах и между единицами человеческих группировок. Такой единицей я принимаю этнос" [17, с. 3]. Широкогородову интересна та этнология: "... которая ставит целью своей открытие связи между различными сторонами человека, изучаемого антропологией, этнографией и языкознанием, и установление законов, каким подчиняется жизнь отдельных этносов... а, следовательно, его мышления и науки, как результата мышления, и таким образом, этнология является венцом знания человека [17, с. 24]. Давайте оценим масштабность сделанной заявки! Тогда становятся понятнее предложенные С.М. Широкогородовым средства и методы по ее практической реализации.

Прежде всего, этнос для него – особое явление, которое не складывается из отдельных компонентов ("паттернов"), а формируется как некоторая общность людей в результате их приспособления к различным средам. Первой средой, оказывающей влияние на формирование этноса, понятно, являются природные условия, в которых формируется и существует этнос. В работе Широкогорова были кратко рассмотрены основные варианты этой среды и ее воздействия на разные общности людей, так как этими вопросами уже давно занимались географы.

Второй из рассматриваемых видов сред является культура, которую создает данный этнос. Поэтому С.М. Широкогородов указал: "Имея объектом наблюдения этнос, этнография изучает все проявления умственной и психической деятельности человека, т.е. 1) его материальную культуру, т.е. всю сумму знаний в области

строительного искусства, одежды, питания и т.д.; 2) его социальную культуру, т.е. организацию общества, – государства, – и его органов, как семья, род и т[ому] под[обные]; 3) его духовную культуру, т.е. религию, науку, философию и эстетическое искусство" [17, с. 11]. Автор учитывал: "... культура этноса складывается из явлений и элементов, имеющих по времени различное происхождение и значение, причем некоторые из них уже мертвы, другие умирают, третьи находятся в состоянии расцвета и четвертые только что родились". Поэтому он предупредил: "Сложность культуры каждого этноса столь велика, что понять ее и начертить дальнейшую эволюцию ее можно только путем анализа происхождения и зависимости всех явлений от всего комплекса этнографических особенностей, связанных между собой не только генезисом, но и равновесием" [17, с. 15]. Говоря другими словами, культуру, а следовательно, и сам этнос надо рассматривать не как статичные, но как сложные, изменяющиеся, динамичные явления.

В культурную среду С.М. Широкогоров включал и общество, которое он рассматривал как социальную культуру. Он понимает: "Трудность наблюдения и даже определения его [т.е. общества – А.К.] заключается прежде всего в том, что в развитом виде общество наблюдается у этносов высшей культуры, которое в свою очередь создает и науку, изучающую природу общества и его организацию, как явление" [17, с. 53]. Автор согласен: "Первым признаком общества является его организованность, т.е. дифференциация по деятельности элементов составляющих его. Без дифференциации нет и общества... Вторым признаком общества является постоянство его состава, т.е. связанность составляющих его индивидуумов с целым. Третьим признаком общества является субъективное сознание связи с целым у каждого индивидуума в отдельности (другими словами – этническая идентичность – А.К.), что дает основу традиции и фиксации форм" [17, с. 54]. При этом, по Широкогорову: "... осознание процесса изменения социальной структуры и ее самой есть явление, связанное с самой социальной культурой и является ее составной" [17, с. 59]. Обобщив свои рассуждения, он уточнил: "Итак, общество есть выражение биологических отношений, создающихся вне воли и сознания его членов" (здесь читай объективных – А.К.) [17, с. 69]. Т.е. культура, общество и этнос должны реально существовать, чтобы их можно было осознать. Для нашего автора понятно, и что предшествовало обществу: "Наличие у всех этносов, – если не в настоящем, то в прошлом, – рода, основанного на кровном (по материнской или отцовской линиям) родстве указывает на то, что эта форма общественной организации имеет универсальное распространение..." [17, с. 57].

Наконец, как показал С.М. Широкогоров: "... для каждого этноса" "другие этносы являются также средой, которая в свою очередь может изменяться под влиянием наблюдаемого нами этноса, а поэтому изучение этих отношений, – среды этносов, – представляется необходимым для уяснения положения, культуры и происхождения этноса". В то же время он понимает: "При изменениях отношений элементов, протекающих внутри этноса, происходит также изменение и всей этнической среды для данного этноса, что ставит его в различное положение по отношению соседей..." [17, с. 80]. Следовательно, необходимо "... рассматривать этносы в цепи их отношений с другими этносами, без чего их изучение оказывается безусловно невозможным и это применимо не только к цивилизованным нациям, но и к народам, стоящим на более низких ступенях развития" [17, с. 60]. Автор предложил следующую классификацию межэтнических отношений: "Наиболее слабую связью двух этносов является форма комменсализма, т.е. когда один и другой этнос могут жить на одной территории, не мешая друг другу и будучи так или иначе друг другу полезны, и когда отсутствие одного несколько не мешает благополучной жизни другого" [17, с. 76]. Со временем: "При дальнейшем развитии связи двух этносов, живущих на одной территории, комменсалистические отношения могут легко развиваться в отношения сотрудничества на основе разделения труда и принять форму кооперации" [17, с. 77]. Наконец: "Те же этнические отношения могут принять и третью форму междуэтнических отношений на одной территории, а именно, – форму паразитизма" [17, с. 77]. При этом было подчеркнуто: "Все

разобранные выше формы отношений, однако, не представляют каких-либо особо приятных и полезных преимуществ одному этносу перед другим, но они являются *формой приспособления к этнической среде на одной территории*, имея целью *самосохранение* при наличии тех или иных данных культурных и биологических вообще" [17, с. 78]. А ведь все это имеет прямое отношение к международным отношениям!

Из анализа вариантов межэтнического взаимодействия С.М. Широкогорова сделал еще один вывод: "Таким образом, видимо, столкновение на одной территории двух этносов дает преимущество более культурному, приводящему к полному поглощению менее культурного этноса, если этнос принял высшую культуру..." [17, с. 84]. В свою очередь, констатация неравномерности уровней развития культуры этносов позволила автору утверждать: "... каждому культурному состоянию, наблюдаемому в человечестве, соответствуют *руководящие этносы*, но и каждому значительному *изменению* также соответствует появление новых руководящих этносов, причем ввиду того, что ранее существовало, быть может, несколько культурных центров одновременно, могло быть и несколько руководящих этносов" [16, с. 88]. Здесь важно отметить, что уже на этом этапе разработки теории этноса С.М. Широкогорова рассматривал и межэтнические взаимодействия в их динамике: "Таким образом, *процесс* культурного развития, носителями которого являются этносы, выдвигает тот или иной этнос в руководящие, что при движении его и столкновении с высшими по культуре этносами приводит к *созданию новых этносов*, вследствие *изменения* среды, т.е. той новой среды, в которую попадает первый эшелон этноса" [17, с. 90].

Суммируя все вышесказанное, Широкогорова делает вывод: "Таким образом, перед каждым этносом стоят задачи: *приспособление* к первичной среде, *создание* вторичной среды и *приспособление* к ней, порождающих некоторую внутреннюю организацию (социальную культуру), если таковая требуется необходимостью приспособления к первичной и вторичной средам... Наконец, *этническая среда* ставит этносу еще одну задачу: *создание* отношений с другими этносами, причем эти отношения могут принять самые различные формы, – форму *сотрудничества*, форму *взаимных выгод*, форму *паразитизма* и форму *поглощения* или *слияния*, если не происходит полного уничтожения или вытеснения одного этноса другим, что зависит, конечно, прежде всего от мощности этноса" [17, с. 61].

Важное место в теории С.М. Широкогорова, кроме идеи *взаимосвязи* (приспособления), было отведено еще принципу *равновесия*, которому должно соответствовать определенное соотношение основных *компонентов внутри самого этноса*, *взаимоотношения* между этносом и природной средой, а также – с *другими этносами*. Он показал: "Развитие этноса происходит не по пути *усложнения* каждого явления, но по пути приспособления *всего комплекса* явлений, – этнографических, психических (физиологических) и т.д. в целях сохранения этноса и, таким образом, наряду с *развитием* (усложнением) некоторых явлений может происходить *редукция* (упрощение) других, что с точки зрения движения процесса будет явлением *одного значения*" [17, с. 96]. В то же время: "Между всеми явлениями и элементами *этнографических комплексов* существует некоторая *связь*, которая, вне зависимости от общего развития степени развития того или иного этноса, может быть вероятно, выражена некоторым *коэффициентом равновесия*, причем величины коэффициентов, в зависимости от степени развития отдельных элементов, должны различаться" [17, с. 15]. А вот к чему, как показал автор, приводит нарушение этого баланса: "Исходя из *принципа равновесия культуры*, слагающейся из культуры материальной, социальной и духовной, можно установить, что нарушение *равновесия* приводит в состояние *неустойчивости* всю культуру, а вместе с тем и этнос". В этом случае: "... утеря этносом культурных особенностей без замещения их эквивалентом той же культуры, сохраняющим равновесие, знаменует собою для этноса утерю им этнического облика и его *этническое вырождение*, вне зависимости от того "выше" или "ниже" замещающая культура теряемых особенностей" [17, с. 66]. Отсюда следовал вполне логичный вывод: "Этническая устойчивость основана на постоянстве

отношения количества населения, культурности его и территории им занимаемой, изменение каковых без соблюдения устойчивости приводит этнос к гибели" [17, с. 96].

Возможно, для большей доказательности данный аспект был прописан еще и в виде математических формул. Выглядит это следующим образом: "... плотность населения зависит от степени культурности этноса и таким образом при неизменяющейся территории и культурности избыток рождаемости над смертностью есть величина постоянная и равная 0... Отсюда явствует, что этнос *невывирающий* не может увеличивать своего состава без изменения величины S (культурности) и

T (территории) и выражение $\frac{q_1}{ST} = \omega$ где: $q_1 \geq q$, а q_1 и q есть количество населения в разные годы, *невозможно*, так как с уменьшением плотности должна измениться величина S и T или одна из двух, что есть *состояние нарушенного равновесия*.

Итак, формулу $\frac{q}{ST} = \omega$ можно также определить, как формулу *этнического равновесия*, а ω как *коэффициент этнического равновесия*" [17, с. 64–65].

Дотошные критики уже "раскопали", что взаимосвязь территории, численности населения и уровня развития культуры "народа" была еще раньше зафиксирована Д.А. Коропчевским в 1901 г. [1, с. 120]. Но у указанного автора это тоже был "проходной" момент, не получивший дальнейшего развития. В то время как у С.М. Широкогорова рассматриваемое соотношение логически вписано в его общую концепцию. Раскрытие механизма и субъектов подобных взаимодействий привело Широкогорова к заключению, которое дало еще один повод высказаться его критикам: "... война является биологической (т.е. опять читай *объективной* – А.К.) функцией этноса и, как мы видели, это есть один из способов регулирования количества населения, величина которого для сохранения этнического равновесия не может не изменяться" [17, с. 96]. Подобное утверждение вполне согласуется с популярным сегодня "конфликтом цивилизаций" С. Хантингтона. Да и как тогда быть с фактом о количестве войн и военных конфликтов того же XX века. Но такой "горячий" для кого-нибудь сюжет у С.М. Широкогорова не вызывал особого интереса.

Гораздо больше его волновали другие аспекты рассматриваемой проблемы: "Осознание этносом отношения его к среде, как и осознание процесса движения при расселении и бытии, составляет содержание *духовной культуры этноса*, развитие которой зависит прежде всего от количества полученного для наблюдения *материала*, что в свою очередь обусловлено степенью *сложности отношений и интенсивности* процесса движения". При этом у автора снова нет однозначных решений: "Но в то же самое время *осознание* является составной *биологических* функций этноса, а поэтому в истории этноса в различное время оно может быть *замещено* иным компенсирующим элементом". Поэтому он снова приходит к парадоксальному выводу: "Таким образом, в борьбе за существование этнос может выдвинуть этот *новый элемент* лишь в тех размерах, которые необходимы для *сохранения равновесия этноса*, а поэтому стремление *ограничить* глубину *осознания* процессов изменения и отношения человека к средам есть *нормальная функция* человечества, как вида, и в этом отношении стремление к интеллектуальной нивелировке и сведению к среднему уровню индивидуумов, ушедших вперед, есть явление *здоровое*, т.е. присущее этносу, обладающему *сознанием* (или инстинктом) *самосохранения*" [17, с. 99]. Из подобных посылок становится понятен и футурологический пессимизм Широкогорова, который тоже выглядит весьма противоречивым: "Будущее человека, поскольку его можно видеть в движении этносов, имеет некоторый *предел*, с приближением к которому либо должно приостановиться дальнейшее *развитие* (усложнение) культуры, либо должно произойти сокращение территории, что равносильно и в том и в другом случае гибели этносов, а вместе с тем и современ-

ного вида человека" [17, с. 99]. Но, если на это посмотреть как на предупреждение *глобалистскому энтузиазму*, то кто его знает, как все на самом деле обернется.

Как мне кажется, в качестве своеобразного резюме "Этноса..." следует рассмотреть это уточненное определение, которое обычно не принимается во внимание: "В изложенной системе я принимаю, что *единицей*, в которой протекают процессы *культурного и соматического изменения* человечества, как вида, является этнос, осознаваемый им самим, как *группа людей, объединенных* единством происхождения, обычаев, языка и уклада жизни" [17, с. 92].

Следовательно, проанализировав эту небольшую по объему, но насыщенную идеями монографию, можно констатировать, что в ней С.М. Широкоговору удалось обосновать место *своего этноса* в системе координат высшего порядка: природная среда, человечество, общество, культура, сознание. Свою роль в реализации его замысла сыграло использование таких понятий, как сложность, процесс, комплекс, связь, равновесие, осознание, этнос, руководящий этнос. Несмотря на то, что со временем автор откатался от некоторых своих соображений, можно утверждать, что уже в своей работе 1923 г. он зафиксировал те идеи, которые получают развитие в более поздних работах и, прежде всего, в фундаментальном "Психоментальном комплексе тунгусов" (1935 г.). Поэтому не вызывает особого удивления переосмысление этноса уже как *процесса*, в который включены этнические общности. Кроме того, не будет преувеличением сказать, что, несмотря на определенную дань представлениям своего времени, имеющиеся дискуссионные положения, до последнего времени никто так и не смог *превзойти* "Этнос..." С.М. Широкогорова по глубине и *эвристичности* представленной в нем теории этноса трансдисциплинарного уровня, объясняющей феномен *этнического многообразия* человечества. Вместе с тем прописанная здесь коллективистская основа этноса ("группизм"), признания значения сознания/осознания в жизни этноса, а также ряд других положений наглядно демонстрируют принадлежность этой теории российской научной традиции. Но при этом нетрудно заметить, что в *своем исследовании* С.М. Широкогоров смог *интегрировать* современные ему и даже последние подходы и основания исследования проблемы этноса, развиваемые другими авторами.

Кто, как и за что пытаются критиковать Широкогорова? Критика С.М. Широкогорова и его идей тоже имеет свою историю. Создается впечатление, что тон ей задали некоторые статьи во владивостокских газетах 1920-х гг. и автор этого пасквиля, опубликованного в 1927 г. в Хабаровске: "Широкогоров – недоучившийся гимназист из Петрограда. В свое время он служил письмоводителем в канцелярии петроградского археологического института. В Приморье Широкогоров оказался не только "не-сосом" (не социалистом – А.К.), но и... профессором археологии, антропологии" [9, с. 236]. Затем в период "исторического материализма" ограничивались ритуальными обвинениями С.М. Широкогорова в пресловутом "биологизаторстве этноса". В период борьбы со всем советским непримиримую позицию по отношению к теориям этноса занял В.А. Тишков.

Его не устраивает представление этноса как особого *материального тела* (?) [10] Он усмотрел у своих предшественников определенную *схоластику теоретических исследований*, которые чаще представляют собой некую "философию этноса", а не *обобщения* на основе вновь добытого *эмпирического материала* [11, с. 11] Отсюда логично вытекает и оценка "Этноса...": "Попытки превратить в "гений" и в основоположника этнологической *теории* делаются в отношении С.М. Широкогорова. Здесь также инициатива идет от местного патриотизма ... Но, как и в случае с Л.Н. Гумилевым, российская и международная профессиональная наука не признали эти авторитеты..." [12, с. 690]. Досталось вкуче с С.М. Широкогоровым от Тишкова и психологам: "*Этнопсихология*, не порвавшая пуповину с этносом, – одно из последних *наваждений*, от которого придется освободиться десятилетиями" [11, с. 19]. На замену никуда не годных теорий этноса этот автор стал продвигать концепцию *этнической группы* и ее *идентичности* Ф. Барта: "Вместо возрождения, формирования, перехода, исчезновения *этносов* имеет место совсем другой процесс – это путешествие *индивидуальной/коллективной идентичности* по набору до-

ступных в данный момент культурных конфигураций или систем, причем, в ряде случаев эти *системы* и возникают в результате дрейфа *идентичности*" [10, с. 17].

С учетом реалий современного мира В.А. Тишков приходит к следующему выводу: "... весь этот разный и сложный опыт категоризации населения внутри большинства государств мира никак *не укладывается* в расписание жителей Земли по *этнотипам* как *изначальным архетипам*". Но в то же время читаем: "... изменилась и сама природа *этнических групп*, которые все чаще *самоорганизуются* или *конструируются* внешними предписаниями по каким-то наиболее значимым *референтным маркерам* не только *языкового, культурно-хозяйственного отличия*, но и другим обретающим *этнический смысл*" [13, с. 13]. Таким образом, можно утверждать, что позиция В.А. Тишкова при всем ее иностранном флере, выглядит двусмысленной. С одной стороны, он стремится решительно порвать с нашей традицией понимания этноса, но, с другой – он признает реальность этнических групп и где-то повторяет подход П.И. Кушнера.

Целенаправленная критика наследия С.М. Широкогорова была развернута с 2010 г. Д. Андерсоном и Д. Арзютовым, получившими на свою акцию несколько грантов. Так им удалось собрать ранее неизвестные документы и материалы из зарубежных архивов и других собраний о русском ученом-эмигранте. Они получили еще коллекцию Д. Турмансона, относящуюся к С.М. Широкогороду, формировавшуюся с 1978 г. Занялся он таким "собирачеством" с подачи самого Ф. Барта, который в *конце 1960-х годов*: "... настоячиво рекомендовал своему студенту исследовать жизнь и деятельность С.М. Широкогорова" [7]. У Андерсона и Арзютова был также доступ к документам Архива РАН и частных собраний нашей страны. Чтобы оправдать ожидания своих грантодателей и *дискредитировать* "транснационализм" почему-то ставших слишком известными работ и идей российского исследователя от Британии до Японии и от Норвегии до Южной Африки, им пришлось изрядно потрудиться. Исходную установку, которой они руководствовались, сформулировал еще раньше Арзютов: "... британское, немецкое и южноафриканское продолжение широкогородовского этноса станут синонимами *эссенциалистских концепций*, легитимирующих *расистские и праворадикальные идеи*... Его (Широкогорова – А.К.) *биологизация* второй половины 1930-х годов в этом смысле оказывалась не столь уж далека от идей его последователей" [4].

Не имея возможности более детально представить здесь приемы и уловки, использованные этими деятелями при освещении практик и идей нашего замечательного исследователя, ограничусь кратким их изложением. Первое, что обращает внимание, Андерсон и Арзютов основную часть публикаций Широкогорова, включая "Этнос...", постоянно называют *брошюрами*. Очевидно, делалось это с целью зародить у читателей сомнения в их научности. Невд ними еще явно довлеет стремление *принизить роль* С.М. Широкогорова в *создании теории этноса*. С этой целью они стали передергивать значения терминов *концепт* и *концепция*, выдавая их за синонимы. Поэтому особенно порадовал их Г. Папийо, который упомянул что-то про *ethnie (?)* в своей работе 1908 г. Ведь российские авторы, говорившие об этносе (Н.М. Могиланский, Ф.К. Волков, С.М. Широкогород и некоторые другие), учились в начале XX в. во Франции. Этого факта оказалось достаточно, чтобы утверждать – у этноса *французские корни* [2]. Поскольку тот же Папийо был сторонником *расистской колониальной социологии*, также как *евгеники* и *биосоциологии*, то понятно, с чего *начинался этнос* [7]! Правда, учитывая судьбу этого термина во Франции ("устаревший"), такое мнение явно преувеличено. Показательна в этом отношении статья в "Словаре по этнологии и антропологии", изданном здесь в 1991 г.: "Ethnie" означает "языковую, культурную и территориальную *общность* определенного размера, обычно большего, чем племя" [15, с. 52–53]. Затем в своей "программной" статье в журнале "Современная антропология" они честно признались, что провели исследование на уровне *термина этнос* [18]. Не один раз они будут еще применять вместо неприятного для себя этого термина более привычную *идентичность*. Но о каких еще там *идентичностях* писал С.М. Широкогород? Очевидно, такая подмена

понятий – *фирменный стиль исследований наших "носителей передовых научных традиций"*!

Да и с документальными данными они могли поступать очень "свободно". Так Арзютов, рассматривая фотоархив экспедиций С.М. Широкогорова – более тысячи фотографий и негативов, которые раскрывали *визуальные техники его теоретизирования*, сразу понял, что "Широкогородовым удалось реализовать "этнографическую власть...", *заставив* людей занимать те или иные позы в определенных местах" [6, с. 39]. А потом он еще усмотрел: "Первое, что бросается в глаза при просмотре фотографий Широкогородовых, – это то, что они постоянно *жонглируют*..." [6, с. 42]. Затем он произвольно "переинтерпретировал" обстоятельства пребывания С.М. Широкогорова во Владивостоке (кто там за границей или в Москве знает, что здесь было на самом деле). В воображении Арзютова, у нас этот *сомнительный деятель* стал формировать у себя "идентичность" *политика* [5, с. 129]. Поэтому Арзютов провозглашает: "Его (т.е. С.М. Широкогорова – А.К.) связь с институтами, равно как и идентичность *антрополога* (в отличие от идентичности профессора, как он себя всюду представляет), оказывается не столь уж *важной*, в то время как *политическая активность* действительно значима и идет, бок о бок, с его *опытами теоретизирования*" [5, с. 124–125]. Значит, этот ваш "Этнос..." – не что иное, как побочный продукт политикана и самозваного профессора, а потому: "Политическая составляющая, равно как и *метания* от одного учебного заведения к другому, делают случай Широкогорова особым" [5, с. 124]. К большой досаде Арзютова, несмотря на то, что "Наиболее интригующим моментом в биографии Широкогорова остается его поездка в фашистскую Германию в 1936 г., нам все еще мало известно о том, *с кем он встречался*, находясь там, и *чем был занят*" [5, с. 135]. Ну а там, где не хватает фактов, можно подключить воображение, и тогда получится то, что нужно: "Исходя из этих сведений..., а также очень "правых" (порой откровенно *фашистского толка*) убеждений многих *русских эмигрантов* в Китае того времени..., можно представить, какую *идеологию*, вероятно, Широкогородов *разделял*" [5, с. 135].

Андерсон же решил раскрыть "формирование основ *этнос-мышления*" Широкогорова в контексте его "личного путешествия". Он утверждал, что нашел доказательства влияния забайкальских экспедиций на формирование не только фундамента *биосоциальной теории этноса* Широкогорова, но и исследование *перформативных идентичностей*". Он сразу распознал *нескромность* Широкогорова, утверждавшего себя "в качестве *непререкаемого специалиста* по этническим границам в Восточной Евразии". Поэтому тот *порвал* с петербургскими коллегами, которые могли, как Штернберг, критиковать его взгляды ("ушедшая в себя улитка") [3, с. 105]. По поводу теории этноса Андерсон ограничился замечанием: это про "*рост и упадок этносов*". Главное для него другое: "Все ценят внимание С.М. к *деталям* и широкий круг "полевых интересов" [3, с. 104]. Узнав, что позднее Широкогородов изменил свое определение этноса, Андерсон негодует: "Легкость, с которой он *тасует* и *раздает идентичности*, говорит о том, что и в его время этнос-процесс был скорее отражением *в глазах наблюдателя*, нежели *объективной реальностью*" [3, с. 113]. К недостаткам Сергея Михайловича его критик причислил также собранные данные, позволившие выделить физические типы А и В среди коренного населения Забайкалья. "Прогрессивная" наука Запада, как известно, объявила расы *культурными конструктами*. А так как С.М. Широкогородов продолжил свои физико-антропологические исследования и в Китае, то и дало основание обвинять его идеи в *биологизации* на новых основаниях.

Серьезные претензии Д. Андерсон высказал также к Широкогородову-этнографу: при описании *перформативных идентичностей* тот употребляет *оценочную структуру* ("настоящие орочены") [3, с. 113–114]. Как полагал Андерсон, тем самым он: "... утверждает авторитет *этнографа-горожанина* с его правом определять *правильные этнические деления*..." [3, с. 114]. Проведя столь "вдумчивое" исследование, этот автор выносит вердикт: "Мне представляется, что развертывание широкогородовского "*этнос-мышления*" явилось отражением... "его *непростой профессиональной жизни*... *Негибкий* и не желающий *меняться*, он, как "дикий тунгус", *предпочел*

отправиться сначала во Владивосток, а затем и к дальним рубежам, где мог *в одиночестве* развивать свои идеи" [3, с. 119]. Получается, что бы Арзютов и Андерсон ни писали о С.М. Широкогоре и его идеях, у них получается *сплошной негатив*. Но тогда непонятно, "... как реальный *опыт одного индивидуума* смог воодушевить как *транснациональный диалог*, так и такое его неприятие". Этих авторов хватило лишь на такое объяснение: "Возможно на этом контрасте с эволюционирующей *североамериканской моделью этничности*, предложенное Широкогоревым *экологичное и коллективистское* понятие "этническая общность" оказалось более привлекательным на столь продолжительный срок для ученых Евразии" [18]. Но они сразу же напомнили про интерес Широкогорова к *биопсихическим* типам и к *нацистскому евгеническому проекту*. Следовательно, не стоит обольщаться востребованностью идей своего "подопечного", так как: "... мы чувствуем, что существует связь между представлением Широкогорова о саморегулируемом этническом равновесии... и реализуемой в *нацистской Германии расовой политикой*" [18]. Не случайно, по мнению Андерсона и Арзютова, интерес к рассматриваемой теории этноса проявил и А.Г. Дугин, отличающийся "крайне правыми" взглядами".

Сами представители "прогрессивной мысли" объяснили свою "возню" с этносом профессиональной обязанностью выслушать и эти разговоры, отдающие *биологизаторством, расизмом, нацизмом*. Что реально значит такая "ответственность", Андерсон и Арзютов прояснили в ответе на комментарии к их статье: "... мы старались *подчеркнуть*, что не требуем для него (С.М. Широкогорова – А.К.) *привилегированной роли* как значимой фигуры в транснациональной антропологии или среди *интерпретаторов этноса*" [18]. Там же (кто будет это читать!) они поиграли и в "объективность": "Мы собрали и прочитали все немецкоязычные переводы его (Широкогорова – А.К.) статей, включая часто цитируемый некролог Мюльмана. Ничто здесь в них не отражает симпатии, прямые или косвенные нацистскому режиму" [18]. В этой же своей программной статье "молодые ученые" резюмировали: "Этот *несчастный термин* (этнос – А.К.), который не был ни марксистским, ни западным, никогда не занимал *достойного места* в истории антропологии. Существуя в имперскую, советскую и постсоветскую эпохи, одновременно в России и Китае и даже проникнув в Северную Америку и Европу, этот *трагический концепт* так и не обрел *пристанища* ни в одном из этих мест" [18].

При всей пакоистности представления личности С.М. Широкогорова и значения его идей, следует воздать Андерсону и Арзютову за то, что они "засветили" один "скользкий" момент. Читаем: "... многие наши коллеги в частных беседах комментировали *сходство* между работами С.М. Широкогорова и Ф. Барта и, в частности, тот момент в описаниях, когда этические границы сталкиваются и "паразитируют" друг на друге в постоянной борьбе за территорию". Особо примечательна здесь следующая ремарка этих авторов: "Хотя Ф. Барт никогда не делал *прямых ссылок на теорию этноса*, он больше пяти лет *поощрял скрупулезное исследование каждой мелкой детали этой теории и биографии С.М. Широкогорова...*". (Вспомним приведенную выше мотивацию поисков Д. Турмансониса). Сами Андерсон и Арзютов увидели в этом сходстве лишь то, что: "Один из локомотивов этноса, пусть и невидимо, проходил по *североатлантическим* путям" [7, с. 104]. Вероятно, столь "неуклюжий" маневр был предпринят нашими "объективными" авторами для того, чтобы у читателей не возникло подозрение в том, что эта появившаяся *гораздо позже*, растиражированная концепция Барта может быть банальным *плагиатом*. Одна история, когда тот же К. Леви-Стросс действительно не знал об исследованиях В.Я. Проппа, но пришел к сходным выводам на другом материале. Но когда мы узнаем о пристальном внимании Ф. Барта к наследию С.М. Широкогорова, то сходство их идей, при отсутствии прямых ссылок на работы С.М. Широкогорова, говорит само за себя. Да, действительно, чего с этими русскими еще церемониться. Воспользуемся их достижениями, а они благодарить должны, что мы их вообще заметили! *Казус Барта* – это новый примечательный *поворот* в истории теории этноса.

Конечно, учившийся в США "классик" из Норвегии не писал об этносе. Он использовал *правильную терминологию*: "Этничность связана с этнической групп-

пой, – общностью, которая является самовоспроизводящейся биологически; обладает общими фундаментальными культурными ценностями, воплощенными в определенном единстве культурных форм; обеспечивает пространство коммуникаций и взаимодействия; создает представление о членстве в ней, которое обеспечивает возможность идентификации и признается другими как отличительная категория от других категорий такого же уровня" [19, р. 10]. Слова здесь часто другие по сравнению с широкогородскими определениями, но смысл тот же самый!

Я думаю, не требуется прилагать особых усилий, чтобы после сопоставления основных положений теории этноса С.М. Широкогорова, даже в ее первом варианте, и главных аргументов со стороны ее критиков, понять их полное несоответствие. Так получилось в силу очень разного понимания теории у автора "Этноса..." и его оппонентов. Если у Широкогорова теория – это целостное рассмотрение феномена этноса на высоком уровне абстракции, основанное на передовых научных идеях, то его критики рассуждают о проблеме на уровне эмпирического обобщения, а то и просто в рамках этнографо/антропологической эмпирики. Используемый создателем "Этноса..." методологический инструментарий, включающий понятия: сложность, целостность, среда, взаимосвязи, внутреннее равновесие, приспособление, – вполне соответствует основным положениям системной парадигмы. Напомню, что официально теория системы была признана только в 1946 г. с подачи Л. фон Бергаланфи. Поэтому теорию этноса С.М. Широкогорова нужно сравнивать не с отдельными "прозрениями" этнографов/антропологов, а с той же концепцией тектологии как науки о всеобщей связи А.А. Богданова, также намного опередившей свое время. А пока критика теории Широкогорова напоминает боксерский поединок гиганта с карликами, да вдобавок еще сопровождающийся плагиатом идей С.М. Широкогорова.

Литература

1. Алымов С.С. У истоков теории этноса: Н.М. Могиланский и петербургская антропология конца XIX – начала XX вв. // Три века российской этнографии. М.: Наука, 2017. С. 140–160.
2. Алымов С.С. Украинские корни теории этноса // Этнографическое обозрение. 2017. № 5. С. 67–84.
3. Андерсон Д. Записки "ушедшей в себя улитки". Забайкальские экспедиции С.М. Широкогорова и формирование основ "этнос-мышления" // Этнографическое обозрение. 2017. № 5. С. 104–122.
4. Арзютов Д. Теория этноса С.М. Широкогорова: 5 фактов о концепции, повлиявшей на ход развития этнографии в России. URL: <https://postnauka.ru/faq/31891> (дата обращения: 8.01.2023).
5. Арзютов Д.В. Антрополог или политик? Политические пристрастия и теоретические построения Сергея Широкогорова // Этнографическое обозрение. 2017. № 5. С. 123–141.
6. Арзютов Д.В. Наблюдая за наблюдателями: о визуальных техниках теоретизирования Сергея и Елизаветы Широкогородовых // Этнографическое обозрение. 2017. № 5. С. 32–52.
7. Арзютов Д.В., Андерсон Д. Дж. "Двойное послание" этноса. Комментарий к статье В.А. Тишкова // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 101–106.
8. Могиланский Н.М. Предмет и задачи этнографии: Доклад, читанный в заседании Отделения этнографии И.Р.Г. о-ва 4 марта 1916 г. Петроград: типография В.Д. Смирнова, 1916. 22 с. URL: https://www.rgo.ru/sites/default/files/predmet_i_zadachi_etnografii.pdf (дата обращения: 15.12.2022).
9. Позорный конец белогвардейщины / В огне революции. Сборник статей и воспоминаний о революционных событиях на Дальнем Востоке. Под ред. Я.Я. Грунта. Хабаровск, 1927. 236 с.
10. Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 3–21.
11. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
12. Тишков В.А. Авторитеты и преемственность в науке: вместо заключения // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М.: Наука, 2004. С. 688–692.
13. Тишков В.А. Усложняющееся разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 7–18.
14. Тишков В.А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в исторической перспективе // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 72–92.
15. Филиппова Е.И. Понятие *ethnie* во французской научной традиции и его политическое использование // Этнографическое обозрение. 2007. № 3. С. 52–73.
16. Широкогородов С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай. Отдельный оттиск из LXVII Известий Восточного факультета Государственного

Дальневосточного университета, 1923. 134 с.

17. Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Широкогоров С.М. Этнографические исследования. Книга вторая. Этнос. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2002. 146 с.

18. Anderson D. G., Arzyutov D. V. The Etnos Archipelago Sergei M. Shirokogoroff and the Life History of a Controversial Anthropological Concept // *Current Anthropology*. 2019. Vol. 60. No 6. P. 741–773.

19. Barth F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference* / F. Barth (ed.). Prospect Heights. IL: Waveland Press, 1969. P. 9–38.

References

1. Alymov S.S. At the origins of the theory of ethnos: N.M. Mogilyansky and St. Petersburg anthropology of the late XIX - early XX centuries. // *Three centuries of Russian ethnography*. M.: Science, 2017. P. 140–160. (In Russ.).

2. Alymov S.S. Ukrainian roots of the theory of ethnos // *Ethnographic Review*. 2017. No. 5. P. 67–84. (In Russ.).

3. Anderson D. Notes of a "snail gone into itself". Transbaikalian expeditions S. M. Shirokogorova and the formation of the foundations of "ethnos-thinking" // *Ethnographic Review*. 2017. No. 5. P. 104–122. (In Russ.).

4. Arzyutov D. Theory of ethnos S.M. Shirokogorova: 5 facts about the concept that influenced the development of ethnography in Russia. URL: <https://postnauka.ru/faq/31891> (accessed 8.01.2023). (In Russ.).

5. Arzyutov D.V. Watching Observers: On the Visual Techniques of Theorizing by Sergey and Elizaveta Shirokogorov // *Ethnographic Review*. 2017. No. 5. S. 32–52. (In Russ.).

6. Arzyutov D.V. Anthropologist or politician? Political predictions and theoretical constructions of Sergei Shirokogorov // *Ethnographic Review*. 2017. N 5. P. 123–141. (In Russ.).

7. Arzyutov D.V., Anderson D.J. "Double message" of the ethnos: Commentary on the article by V.A. Tishkova // *Ethnographic review*. 2020. No. 2. P. 101–106. (In Russ.).

8. Mogilyansky N.M. Subject and tasks of ethnography: Report read at a meeting of the Department of Ethnography by I.R.G. Islands March 4, 1916 Petrograd: V.D. Smirnova, 1916. 22 p. URL: https://www.rgo.ru/sites/default/files/predmet_i_zadachi_etnografii.pdf (accessed 12/15/2022). (In Russ.).

9. The shameful end of the White Guard / In the fire of the revolution. Collection of articles and memoirs about the revolutionary events in the Far East. Khabarovsk, 1927. 236 p. (In Russ.).

10. Tishkov V.A. On the phenomenon of ethnicity // *Ethnographic review*. 1997. No. 3. P. 3–21. (In Russ.).

11. Tishkov V. A. Requiem for an Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology. M.: Nauka, 2003. 544 p. (In Russ.).

12. Tishkov V.A. Authorities and continuity in science: instead of a conclusion // *Outstanding domestic ethnologists and anthropologists of the twentieth century*. M.: Nauka, 2004. P. 688–692. (In Russ.).

13. Tishkov V.A. Increasingly complex diversity: how to understand and streamline it // *Cultural complexity of modern nations / otv. ed. V. A. Tishkov, E. I. Filippova; Institute of Ethnology and Anthropology*. N. N. Miklukho-Maklay RAS. M.: Political Encyclopedia, 2016. P. 7–18. (In Russ.).

14. Tishkov V.A. Where and where did Russian ethnology come from: a personal view in a historical perspective // *Ethnographic Review*. 2020. No. 2. P. 72–92. (In Russ.).

15. Filippova E.I. The concept of ethnics in the French scientific tradition and its political use // *Ethnographic Review*. 2007. No. 3. P. 52–73.

16. Shirokogorov S.M. Ethnos. Study of the basic principles of change in ethnic and ethnographic phenomena. Proceedings of the Oriental Faculty of the State Far Eastern University LXVII. Shanghai. 1923. 134 p. (In Russ.).

17. Shirokogorov S.M. Ethnos. Study of the main principles of change in ethnic and ethnographic phenomena // Shirokogorov S.M. *Ethnographic research*. Book two. Ethnos. Vladivostok: Far Eastern University Press. 2002. 146 p. (In Russ.).

18. Anderson D. G., Arzyutov D. V. The Etnos Archipelago Sergei M. Shirokogoroff and the Life History of a Controversial Anthropological Concept // *Current Anthropology*. 2019. Vol. 60. No 6. P. 741–773.

19. Barth, F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference* / F. Barth (ed.). Prospect Heights. IL: Waveland Press. P. 9–38.

Анатолий Михайлович КУЗНЕЦОВ, д-р. ист. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Anatoly M. KUZNETSOV, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 01.02.2023

Одобрена после рецензирования

(Approved) 16.02.2023

Принята к публикации

(Accepted) 07.03.2023